

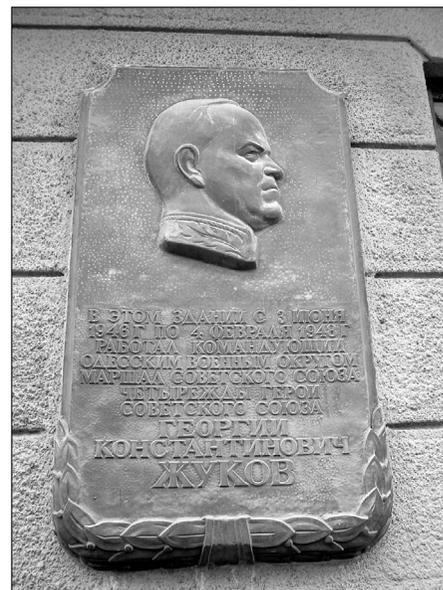
подряд свиста и взрывов, земля дрожала. Мы, находящиеся в щели, как живые в огромной коллективной могиле, молча, с биением сердца прислушивались и все ждали очередных взрывов. Иногда подымался плач детей, громкие вздохи и причитания, но сидящие требовали молчания, и воцарялась абсолютная тишина во мраке нашей могилы. Эта дьявольская какофония длилась вплоть до 6-ти часов утра сегодня. Трудно было пересчитать свистов бросаемых немцами бомб, но полагаю, что не меньше 20-ти. В продолжение одиннадцатичасового сидения в абсолютной темноте в неудобном положении и тесноте ломило спину и ныли ноги, да и притом желудок все-таки требовал пищи. А где ее взять? Получаемые 400 гр. хлеба чернее ночи, а по вкусу и придумать хуже нельзя, больше ничего и нет. Тоска варит стандарт, бурду, коего съедаешь одну тарелку за весь день. Утром чистый чай с хлебом, а вечером идем спать и без него. Я говорю, идем спать. Ведь последнюю неделю фактически мы и не спим. В щель приходится днем забегать по десять раз. Постоянно то тревога, то отбой, нужно быть всегда начеку.

Корова с утра и до вечера мычит на разные тона, а ребята, почти не умолкая, режут. Плюс еще к этому четыре голодных колхозных лошади. Они бьют яростно копытами в конюшню, изгрызли половину доски у стойла, и вот весь этот концерт-симфонию из разных голосов и тонов приходится буквально целый день терпеть. Особая программа — это утром и вечером, во время доения коровы. Несчастливая корова, которую кормят помоями из кухмейстерской, количество молока уменьшила до минимума, и вот во время дележки этих капель начинается хор исключительно из женских глоток. Корова в это время молчит, а лошади умолкают, перестают топтать и грызть, боясь, вероятно, нарушить настоящий шабаш ведьм. Но я отвлекся от своей темы. В продолжение всей ночи два раза я пробовал пойти к себе в квартиру и лечь в постель. После первого раза я был разбужен чем-то, казалось мне, ужасным. Я едва сумел натянуть свои брюки и пальто, мне казалось, что рушится дом, я выскочил, но все уже было тихо. Вдали лишь жужжал мотор, звезды блестели, да холодным порывом откуда-то несло гарью. Где-то горело. Через полчаса я снова разделся и уснул, повторилась та же история, и я уже вплоть до 6-ти утра сидел в щели. Немец, самолет, все время где-то недалеко парил и, словно хищник, выглядывал свою злополучную жертву, и снова мы слышали уже одиночные свист и взрывы недобитых ими домов, в шесть мы выползли на свет Божий.

Конец | тетради

Владимир КАТКЕВИЧ

Жуков и пианино "Гольц-Гейтман"

В южной ссылке при докладах командующим, исключительно из преклонения его не обозначали, понимая, что понижение временное, "товарищ маршал" обращались:

— Товарищ маршал, разрешите начать учение...

И он разрешал. Или разжаловал в рядовые, а потом, гневно звеня золотыми звездами, уезжал в бронированном спецвагоне Гитлера в Маркушешты.

— Успокойся, Жорик, — возможно, шептала ему медсестра Лидочка, капающая корвалол, Лидия Захарова, фронтальная подруга.

Когда в 46-ом участвовали нападения на офицеров, квартировавших в отшибных районах частного сектора, он разрешил сначала носить табельное оружие, а потом и применять на поражение. С полсотни армейских разведчиков нарядили в лендлизовские макинтоши, обнаруженные на Карантинном молу, выдали велюровые шляпы и запустили выполнять боевую задачу. Прицельный отстрел будоражил собак, они заходились до утра, беспокоя жителей, и потому выстрелы по команде прекратили. В городе говорили, что остатки разведчики вырезали. Не прошло и месяца, и с организованным бандитизмом в городе было покончено. Обязательно присутствовавший на военных советах в мундире генерал-майора первый секретарь обкома за жуковские инициативы получил по папаше, говорят, были объяснения и у товарища маршала.

Легенды о нем, основанные на непровержимых фактах, тиражировались лет за двадцать до анекдотов о Чапаеве.

Вот одна из расхожих. На учениях в Тирасполе дождило, и свита на командном пункте облачилась в плащ-накидки, один только полковник мок в кительке.

— Почему без плащ-накидки? — строго спросил маршал.
— Бесплатно она выдается офицерам всех рангов, включая подполковников, а полковникам положено покупать, — откровенно доложил мокнувший командир полка.

Маршал нахмурился и распорядился:

— Выдайте подполковнику плащ-накидку.

Стяжательство не воспринимал рефлексивно.

На выходные летал в Будаки. Туда в бывший румынский санаторий командировали взвод солдат постригать кусты и посыпать аллеи свежими ракушками. Глядел заворожено с высокого обрыва на лекала озер в кайме ярко-бордовых ископаемых растений у корня Шаболатской косы, возможно, сожалел, что усатый не позволил дойти до Ла-Манша.

В Болграде наведалься в дивизию.

— А где семьи офицеров живут? — спросил.

Семьи квартировали в сборно-щитовых казармах, от служебных помещений отделила простыня. Некоторые осели на квартирах. Показали, где живет один, не командир батальона, а командир взвода, так он хотел. Дол-

го очищал щепочкой жирную бессарабскую грязь с хромовых сапог, нырнул под низкую притолоку. Лейтенант отдыхал после ночного дежурства, вскочил, как был в кальсонах, доложил.

— А почему мальчик не в школе? — спросил.

— Он нездоров, — доложил отец, — малокровие.

Маршал присел на корточки и минут пять глядел на ребенка. В камышовой крыше шуршали мыши. Потом вздохнул и поднялся, хрустнули суставы.

Через неделю в штаб Болградской дивизии фельдбегер доставил пакет. Лейтенант расписался в получении денежного довольствия на два месяца вперед и путевок в Саки на всю семью.

Дом на ул. Новосельского, где располагался штаб ОДВО

Ссылку нельзя любить, но город-то не при чем, город маршалу искренне глянулся, иначе бы не приводил его в порядок, и горожане платили ему восторженной симпатией. К десяти утра обычно надежно оцепляли улицу Островидова, где временно располагался штаб округа, пока здание на Пироговской достраивали пленные немцы. По пути следования трофейного "Опеля" собирались несметные толпы, чтобы увидеть хоть мельком живого полководца. "Опель" сопровождали машины охраны в избытке, поговаривали, что охрану специально приставили из Москвы, чтобы не убежал, и потому маршалу сочувствовали еще больше. В городе он переживал свой триумф, минуло чуть больше года после штурма Берлина, и стадный народ, похоже, простил ему ненужные жертвы.

Статный, но по-кавалерийски коротконогий, он хлопал дверцей, приветливо улыбался и спешил на службу.

— Я вижу, у вас вчера стирка была, дамские трусики, как флаги расцветивания, — хохотнул, вводя в краску стенографистку Веру Кульгину, принесшую машинописный текст его доклада на совещание.

Вера Семеновна квартировала напротив, в доме № 51 по Островидова, где во дворе располагались хозяйственные службы штаба округа.

История обзрима и не подвержена переиначиванию только пока живы очевидцы. Такие редкие свидетели маршальской ссылки пока еще обозначаются. Стенографистка маршала Вера Семеновна Кульгина одиноко проживает в бывших Котовских казармах по проспекту Шевченко. На каменных ступенях лестниц в этом доме выемки от каблуков сапог.

Еще до шестидесятых, до хрущевских сокращений армии, здания, похожие на крепостные рavelины, использовались по военному назначению: при построениях играл оркестр, ежедневно в шесть вечера на разводах клался затворами караул. Наверняка, бывал и он со строгими проверками.

Недавно северный флигель казарм Монкада, так их прозвали в соответствии с политическими симпатиями шестидесятых, горел, не исключено, что красный петух был заказным — казармы, говорят, приговорили по проекту реконструкции к сносу с последующей застройкой элитными многоэтажками.

В.С. Кульгина

Несмотря на приговор, фасад казарм судорожно и тесно обживают магазинчики.

Вера Семеновна, проживающая в десятках метров от пожарища, бережно хранит заявление на имя Командующего Одесского военного округа.

"Нач. КЭЧ. — написано убедительным маршалским почерком наискосок. — Дайте немедленно комнату Рабинович, а площадь, ныне занимаемую Кульгиной, закрепить за Кульгиной. Исполнение донести до секретаря. Жуков. 6/3/47".

Исполнение донесли немедленно в марте. Кульгину, вдову погибшего офицера, на иждивении которой находилось двое малолетних детей и мачуха, больше не третировали, рукопашная квартирная схватка по жесткой маршалской команде "брек" прекратилась, конфликтующих развели по углам, жилым.

Маршал окружал себя талантливыми людьми, а Вера Семеновна была самородком редкой тогда специальности, стенографию постигала целых три года у сосланной в Кемерово вдовы Николаева, того самого, который застрелил Кирова.

— Что-то вы, Вера Семеновна, невеселы, — заметил как-то. — Случилось что?

Вера Семеновна призналась, что дети маленькие, не с кем оставить.

— Я помогу, — пообещал.

— Нашли на Комсомольской двухкомнатную квартиру, — вспоминает Вера Семеновна, — воспитательницу, а детей привели только троих, из них мои двое и еще мальчик. Офицерам не выгодно было отдавать в садик детей, потому что на них полагался паек. С детьми на руках я бы не смогла работать в его режиме.

Работал с 10 до 16. С 20 до 23 принимал начальников отделов.

Впоследствии детсадик перенесли на Пироговскую, к обрыву, где сейчас канатная дорога. На строение зарился генералитет, но любителям морских пейзажей маршал быстро дал окорот.

Однажды интендант подал конверт.

— Что там? — строго спросил маршал.

— Представительские, — доложил интендант, заранее цепенея, — для расходов на приемы...

— Что, я бутылку коньяку не могу гостям купить? — с нажимом, дырявя конверт пером, написал: "В фонд детских учреждений округа".

Неоднократно выезжала в вагоне Гитлера в войска.

— Учения, — вспоминает Вера Петровна, — маршал проводил с блеском, талантливо, еще более захватывающим выглядел их разбор.

В штабном вагоне Кульгиной полагалось. В тот день маршал отпустил раньше. Она уже засыпала, когда в половине одиннадцатого постучали.

— Где-то здесь, по слухам, утаили день рождения, — сказал маршал.

— Извините, я уже сплю, — ответила.

— Давайте будем праздновать, — поступило предложение из коридора.

На столе ее ждали цветы. Водочку маршал пользовал из большого стакана.

— Что бы вы хотели полезное в подарок? — спросил. — Пишущую машинку? Лидочка, напомни, когда я поеду в Москву.

Эту голенастую пишущую машинку свою кормилицу, Вера Петровна до сих пор хранит на шкафу. А вот пианино, по его же распоряжению жалованного, увы, нет, сохранился только наряд отдела фондового имущества ОдВО. "Пианино косострунка ф-ки "Гольц-Гейтман" 4 катег. 1 шт. 450 руб."

В последний раз посетил Одессу в 56-ом уже в должности министра обороны.

— Парад, смирно! — скомандовали. — Дистанция на одного линейного...

Маршал проследовал по ковровой дорожке, порывисто остановился и погладил по рыжей голове Эдика Л-го, мальчика из третьего номера по Пироговской. Автор стоял рядом, но его маршал не погладил. Эдик впоследствии был осужден за кражу крепленого вина с винзавода, что на Французском бульваре. Окна его коммуналки обращены были к винзаводу, где он с выгодой трудился грузчиком. Говорят, Эдик подавал апелляцию, даже писал маршалу, но маршал снова находился в опале, теперь хрущевской, потому пришлось мотать срок сполна.

